

Но в отличие от Ши Вэня, который безрассудно и жестоко пускал в ход яд, движения Тан Шаотана были отточенными и лаконичными. Каждый взмах меча, каждый поворот в кровавом вихре клинков обретали жестокую грацию, подобную плывущим облакам и возвращающемуся снегу.

Ни суеты, ни колебаний, ни пощады.

Один удар — и горло перерезано.

Первый убийца Павильона Радужных Одежд, столько лет скрывавшийся от мира, и вправду обладал необычайной силой.

С такими умениями, с таким мастерством — зачем же его послали выполнять какую-то дурацкую «миссию соблазнения»? Глава Павильона Радужных Одежд что, внезапно тронулся умом или впал в маразм от старости?

А Цзю не отрываясь следил за схваткой Тан Шаотана, но через мгновение вдруг подумал: а ведь как объект «миссии соблазнения» Тан Шаотан, возможно, не так уж и неподходящ.

Он и вправду красив. Но для главы Павильона Ушоу, перед которым стоят внешние и внутренние угрозы, привлекательнее красоты могли быть высочайшее мастерство и чистая натура Тан Шаотана.

Господин Жуань, считавший себя весьма проницательным, после выхода из затворничества велел старейшине Цяо собрать и систематизировать боевые стили и приёмы всех основных школ мира. Двигаемый сильнейшим инстинктом самосохранения, он усердно штудировал материалы и за три года кое-как разобрался в сильных и слабых сторонах нынешних школ. Лишь боевой канон Школы Бэйван упорно клонил его в сон; сути он так и не постиг, зато обрёл прекрасное сновторное чтение на ночь.

Боевые искусства Поднебесной Павильон Ушоу, даже приложив все силы, собрал бы не полностью. Но у каждой школы есть сквозные принципы и методы — поняв половину, можно угадать остальное. Только не у Школы Бэйван. Её приёмы невероятно запутанны, внутренние методы — словно клубок, в котором никто не может найти конец. Видно, основатель её был большим самодуром, совсем не думавшим о том, как выживут потомки. Весь канон написан замысловатым языком, и каждый приём требует своего внутреннего метода, так что малейшая ошибка в обучении грозит нарушением энергетических каналов и крахом всех усилий.

А как после начального освоения следует соединять эти сложные приёмы воедино и применять на практике — всё зависит от личного озарения, от импровизации в бою. Проще говоря, боевое искусство Школы Бэйван слишком зависит от природного таланта и совершенно не подходит для основания школы и массового обучения. Выходит, её нынешний наставник и основатель — одного поля ягоды, оба действуют с потолка, то на юг, то на север, безо всякой определённости.

Такое искусство: освоишь полностью — гений, не освоишь вовсе — бездарь, а остановишься на середине — уже молодец. Нынешний глава школы, Лянь Циншань, как раз и был таким «молодцом». Среди своих он не был первым, но был достаточно хорош. До появления его младшего брата по учению, Чи Фэнлани, он тоже считался многообещающим учеником. Его поражение от младшего брата было просто историей о том, как «молодец» проиграл «гению».

Кто бы мог подумать, что Тан Шаотан, младший и незнатный, в первой же своей схватке с самим главой Лянем — да и вообще с кем-либо из Школы Бэйван — сумеет разгадать гордость

школы, её сокровенное искусство, и одолеть его без видимых усилий. Это уже не просто «молодёжь страшна», это прямо-таки пугающе.

Господин Жуань спросил себя: смог бы он, в первой же схватке, разгадать сокровенное искусство Школы Бэйван?

Он, что редко с ним случалось, смиренно поразмыслил: сразись он с Лянь Циншанем, он бы победил, но подавив силой. А смог бы он одержать верх благодаря разгадке?

А Цзю: «...»

Уверенности не было.

Выходит, если однажды им с Тан Шаотаном действительно придётся сойтись в смертельной схватке, для полной гарантии ему нельзя будет ни щадить, ни оставлять в живых.

Лезвия сверкали, как зимний иней, отражённый свет резал глаза А Цзю. Он слегка прищурился, с раздражением глядя на волну за волной появляющихся неизвестно откуда людей в масках.

Когда же этому конец? Какая такая смертная обида лежит между закулисным кукловодом и Тан Шаотаном, что тот готов любой ценой его уничтожить?

Как раз когда А Цзю наскучило наблюдать и он от нечего делать принялся пересыпать рис, потрёпанный мешок преподнёс ему неожиданный сюрприз —

пороховой заряд.

А Цзю, вертя в руках спрятанный в рисе заряд, восхищённо цокнул языком: «Ничего себе, богато, с размахом».

Тут же он огляделся и выбрал одного. Тот прятался позади толпы, натягивая лук, стрела нацелена в точку между бровей А Цзю.

«Хм? Меня убить хочешь? Что ж, тогда не взыщи — убью в порядке самообороны».

Порыв ветра, и руки, натягивающие тетиву, дрогнули.

Он учился стрельбе из лука десять лет, давно уже мог попасть в цель с сотни шагов, с десяти чжанов бесшумно забирать чужие жизни. Этот лук в его руках был сделан и отшлифован им самим, наконечник, древко, оперенье — каждый цунь он знал как свои пять пальцев. Так же хорошо знал он, как падает сражённая его стрелой жертва, в какую сторону беззвучно рухнет, умирая и не ведая, отчего.

Но он никогда не видел, чтобы на расстоянии в десять чжанов его прицельная мишень оборачивалась и с улыбкой смотрела на него, да ещё, кажется, что-то болтала.

«Огниво есть? Одолжи-ка».

В один миг его пронзил леденящий ужас.

В следующий миг он рухнул навзничь.

Перед смертью он лишь смутно услышал, как мимо уха пролетели прохладные слова А Цзю,

обращённые к самому себе: «Ладно, не буду у тебя спрашивать, сам поищу».

А Цзю отбросил тело и принялся его обшаривать: «Дай-ка посмотрю, нет ли у тебя при себе огнива».

Он прикинул, что эти преследователи, скорее всего, из той же банды, что перехватила обоз с зерном, а если нет — так точно сообщники. Если его догадка верна, при них должен быть огонь для подрыва.

Вскоре А Цзю вытащил из-за пазухи убитого бамбуковый футляр — именно то, что искал.

«Что и говорить, удача на моей стороне».

А Цзю зажёл фитиль и, не глядя, швырнул шипящий пороховой заряд в воздух. Оглушительный взрыв заставил всех застыть, в ушах зазвенело.

А Цзю с видом полного равнодушия наблюдал, как во все стороны разлетаются обломки, нахмурившись и что-то бормоча себе под нос — то ли вправду не понимая, то ли притворяясь: «Все говорят, фейерверки из пороха — красота неопишная. А я что-то не вижу».

Тан Шаотан: «...»

Тан Шаотан, вовремя отскочивший на два чжана, отряхнул с белых одежд пыль и искоса глянул в сторону А Цзю. Тот, встретив его взгляд, пожал плечами и, без тени искренности прижав руку к груди, изрёк: «Как страшно-то было».

Тан Шаотан: «...»

Ты сам поджёг, и ещё испугаться успел?

Господин Жуань считал себя человеком слова: раз сказал, что испугался, значит, надо изобразить испуг. Потому он швырнул прочь и заряд, и огниво и втиснулся в самую гущу схватки, прячась за спину Тан Шаотана.

Главный зачинщик переполоха без тени раскаяния лицемерно заявил: «Всё же за твоей спиной безопаснее».

Тан Шаотан: «...»

Для бойца хуже всего, когда у него за спиной оказывается кто-то, особенно если этот кто-то — персонаж с неясными намерениями и непостоянным нравом. А Цзю спас ему жизнь, Тан Шаотан признавал этот долг и был готов отдать свою, потому не боялся, что тот внезапно ударит в спину. Но он опасался, что А Цзю начнёт мешать.

Так и вышло.

«Мне страшно» и «защити меня» у А Цзю были весьма своеобразны, можно сказать, с точностью до наоборот. Вместо того чтобы спокойно подстроиться под движения Тан Шаотана и найти безопасное место, он, словно боясь, что его проигнорируют, крутился то спереди, то сзади, явно получая удовольствие.

Возможно, благодаря урокам нескольких упитанных карпов в пруду, движения А Цзю были не только гибкими, но и скользкими: то и дело он ввинчивался в самую гущу окружения, вынуждая Тан Шаотана отвлекаться и парировать летящие со всех сторон клинки. Увидев, что

Тан Шаотан не бросит его «на погибель», А Цзю решил продвинуться дальше: то смешивался с людьми в масках, сбивая тому обзор, то пытался щёлкнуть его по плечу. А получив от Тан Шаотана осуждающий взгляд, бесстыдно заявил: «Я же хотел предупредить, что с этой стороны кто-то есть».

Такое поведение было крайне назойливым и отвратительным. У кого угодно нервы бы не выдержали, а у горячего человека так и вовсе меч бы сам просился вбок, чтобы проучить наглеца.

К счастью, нрав у Тан Шаотана был холодным, его не так-то легко было вывести из себя. Поэтому он не обернулся, чтобы рубануть А Цзю, а лишь покорно и с долей досады подумал: все эти люди в масках, вместе взятые, не доставляли и десятой доли тех хлопот, что доставлял один А Цзю.

Опыт подсказывал ему, что мастерство А Цзю отнюдь не слабое, и все его слова и поступки проистекали не от «страха», а были завуалированной проверкой и провокацией. Проверкой его боевого искусства, проверкой его терпения.

<http://bllate.org/book/16258/1462691>